

**НАТАЛИЯ МАЙСТРУК,**

*старший преподаватель кафедры политологии и социологии НТУУ “КПИ”*

**Изучение социальных конфликтов  
в немецкой социологии:  
классические и современные ориентиры**

*Abstract*

*The article presents ideas about the place and role of German sociology in the conflict theory of various stages, from the conflict paradigm of historical development by K.Marx to modern studies by R.Darendorf and U.Beck. There are discussed the conflict theory evolution stages and specific features of its development related to them. The author assesses contributions made by representatives of these stages.*

Трансформация современных политических и экономических институтов, развертывание процессов демократизации украинского общества сопровождаются углублением противоречий между интересами и потребностями разных социальных групп и индивидов. Как подчеркивает К.Маннгейм, увеличение количества и углубление интенсивности конфликтных противостояний является общим правилом для переходных периодов общественного развития и находит объяснение и оправдание в том, что отражает сформированность и готовность определенных социальных сил к трансформации сложившихся отношений и структур, к установлению нового порядка.

Современная общественная практика показала, что переход общества от тоталитаризма к демократии усилил действие конфликтогенных факторов во всех без исключения жизненно важных сферах и социальных институтах общества — политике и экономике, международных, межнациональных, семейных и бытовых отношениях, экологии и идеологии, образовании и культуре. Перечень “проблемных плоскостей” обуславливает задачу поиска механизмов, способных обеспечить надежный и эффективный кон-

троль за регулированием и разрешением различных конфликтных ситуаций, возникающих в обществе.

Центральными для всех исследователей конфликтов являются вопросы происхождения конфликтогенных факторов, определения параметров оценки и типологизации конфликтных ситуаций. По-прежнему значимыми остаются выявление путей предотвращения конфликтов с применением насилия и овладение цивилизованными формами разрешения конфликтных ситуаций.

Общественные науки предложили множество подходов, углубивших наши знания о конфликте, заложивших основы теории конфликта. Эта теория возникла как альтернатива позитивистскому функционализму. Авторы ее обратились прежде всего к проблемам социальных изменений, дифференциации, идейно-ценностных детерминант общественного развития и т. п. [1, с.144].

Среди основополагающих тезисов теории конфликта обычно выделяют следующие:

1. Фундаментальной чертой социальной организации является стратификация, неравенство групп и индивидов, доминирование их друг над другом.
2. Причины того, что происходит в обществе, следует искать в интересах групп и индивидов, и в первую очередь в необходимости сохранить свои господствующие позиции либо избежать господства других.
3. Победитель в столкновении интересов определяется в зависимости от контролируемых различными группами ресурсов, включая материальные ресурсы для применения принуждения и экономического обмена, а также ресурсы для создания общей организации и формирования настроений и идей.
4. Движущей силой социальных изменений в основном служат конфликты, поэтому длительные периоды относительно стабильного доминирования чередуются с интенсивными и драматичными эпизодами мобилизации групп.

Феномен конфликта в рамках социологического подхода связан со стратификацией, интенсивностью доминирования, ресурсами, позволяющими группам организоваться (или препятствующими этому). Открытые конфликты случаются нечасто; исторический опыт свидетельствует о том, что даже военные столкновения являются конкретными действиями, направленными скорее на освобождение от организационных оков, нежели на настоящее физическое разрушение.

Теория конфликта не отрицает теории социальной солидарности. Индивиды могут доминировать в иерархиях, а группы могут формироваться для участия в нормированном конфликте главным образом благодаря распределению материальных и организационных условий, определяющих социальные идеалы, моральные чувства и т.п. Теоретики конфликта выявляют условия, при которых генерируются идеи и идеалы, выясняют, как и когда эти условия продуцируют солидарность, а когда способствуют доминированию, придавая ему легитимность, когда эти процессы структурируются, генерируя антагонистические противоречия и даже открытые конфликты.

Классические варианты теории конфликта преимущественно связаны с макроисторическим подходом. К.Маркс, М.Вебер, Г.Зиммель и др., анализируя крупномасштабные исторические явления, были вынуждены концентрировать внимание на политических конфликтах и идеологических разногласиях.

В частности, для Маркса социальный конфликт — это способ разрешения главного противоречия капиталистического (индустриального) общества — между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Фундамент Марксовой теории классов образует трудовая теория стоимости, согласно которой труд создает не только стоимость, но и прибавочную стоимость. Монопольное присвоение прибавочной стоимости одним из участников производства означает эксплуатацию, ведет к неравенству, формирует антагонистические, неизбежно вступающие в конфликт интересы и, главное, инициирует и поддерживает процесс классовобразования — формирования класса собственников (капиталистов) и класса несобственников (пролетариата, рабочего класса) [2, с.8].

На примере взаимоотношений основных классов общества второй половины XIX века Маркс проследил динамику развертывания классового конфликта. Тут он фиксирует следующие этапы: осознание рабочим классом своих интересов как противоположных интересам класса буржуазии, групповая идентификация, создание политической организации угнетенного класса, развитие собственной идеологии и революция как открытое столкновение пролетариата с классом эксплуататоров, освобождение от власти последних и открытие пути к изменениям социальной системы.

В контексте Марксовой теории классовый конфликт предстает как высшая стадия обострения и разрешения антагонистических противоречий. Разрешение самого конфликта, по Марксу, возможно только в виде насильственной революции. Такой вывод ярко контрастирует с современными подходами, которые будут рассмотрены ниже.

Теория конфликта оформилась в рамках социологии после проведения исследований в сфере проблем стратификации, поскольку выяснилось, что стратификация охватывает все общество, пронизывая каждый институт и влияя фактически на любой аспект человеческого поведения.

Заметим, что важную роль в развитии теории конфликта сыграла разработка теории организации, поскольку именно в организациях воплощены стороны конфликта. Значительный шаг вперед сделал М.Вебер, разработав теорию форм организации (идеального типа, бюрократической и родовой) как составных частей структуры доминирования в пределах любого государства, экономики или церкви. Наряду с этим он продемонстрировал конфликтность становления бюрократии, а также обратился к особенностям политических и религиозных конфликтов.

Дальнейшее развитие теории конфликта связано с переходом от макро-к микроанализу конфликтов.

Когда теория конфликта как таковая была в конце 50-х годов прошлого века разработана Р.Дарендорфом, она основывалась на обобщении модели организационного конфликта. Дарендорф считал, что общество имеет “два лица” — всеобщего согласия и конфликта. Функционалисты, по его мнению, “заблудились в утопии”, не замечая второго лица общества, поэтому

целью своего анализа он считал дополнение функциональной модели общества конфликтной. Социальный конфликт Дарендорф, как и его предшественники Маркс и Зиммель, называет огромной творческой силой, форсирующей изменения в обществе. Ненормальным является не наличие, а отсутствие конфликта. То есть речь идет о вариативной широте форм конфликтов. В этом Дарендорф поддержал Зиммеля, на рубеже XIX и XX веков наметившего новый подход к функциям конфликта, которые могут быть не только негативными, но и позитивными — в зависимости от конкретного социального контекста. Дарендорф решительно выступил против подавления конфликтов. То есть конфликты можно регулировать, канализировать и контролировать, но “ни король философов, ни современный диктатор не в состоянии устранить их раз и навсегда” [3, с.357]. Такой подход весьма продуктивен в плане познания этого феномена. Изучая социальные конфликты, Дарендорф пытается объективно интерпретировать общественные условия. Подобно Марксу, он признает, что в XIX веке определяющей сферой общественной жизни была промышленность. Поэтому именно тут зарождается главный конфликт капиталистического общества — между двумя основными классами — предпринимателями и рабочими.

В XX веке западноевропейские страны переходят на стадию постиндустриального общества, в котором промышленная сфера постепенно утрачивает свое господствующее влияние на все аспекты общественного бытия. В плоскости социальной структуры на место поляризованного общества приходит плюралистическое, в котором предыдущие классы претерпевают содержательные изменения, дифференцируются. Столкновение между ними уже не имеет характера основного конфликта общества, конфликты локализуются в пределах отдельных отраслей промышленности и предприятий, где институционально регулируются соответствующей политикой государства, деятельностью профсоюзов, коллективными соглашениями. Современные конфликты Дарендорф определяет как структурно обусловленные отношения противоречия. При этом конфликты, подчеркивает Дарендорф, ни в коем случае не должны разрешаться насильственными способами. По формам проявления они могут быть скрытыми или явными, относительно мирными или резкими, мягкими или напряженными.

Все общества, считает теоретик, непрерывно порождают антагонизмы, которые возникают не случайно и не могут быть преодолены путем произвола. Взрывной характер социальных ролей, “оснащенных противоречивыми ожиданиями, несовместимость значимых норм, региональные и конфессиональные различия, система социального неравенства, называемая нами расслоением, а также универсальные барьеры между господствующими и подвластными образуют социальные структурные элементы, необходимо приводящие к конфликтам” [3, с.371–372]. Одной из центральных категорий анализа у Дарендорфа выступает власть как средство принуждения. Вследствие неравномерного распределения она служит неиссякаемым источником противоречий. Легитимность при этом, по его мнению, дает ей в лучшем случае незначительное преимущество над силами сопротивления. Нормы вводятся и поддерживаются только благодаря господству, а их содержание определяется интересами власть предержащих. Связующим звеном между общественными нормами и ценностями являются санкции; именно благодаря им ценности в обществе становятся общеобязательными. Социальные

институты, по мнению Дарендорфа, призваны облегчать процесс изменений и разрешения конфликтов, а значит — и противодействовать господству. Следует также отметить, что изменения требуют установления новых норм, однако “самодовольное общество может совершенно отказываться от нормоустанавливающих институций” [3, с.456].

Изучая социальные конфликты на рубеже XIX и XX веков, Дарендорф как социолог усматривает их источники в социальной структуре и социальной стратификации, которые генерируют и сохраняют социальные и политические разногласия. Анализируя социальную структуру, Дарендорф фокусирует свое внимание на низшем классе, представители которого идентифицируются по социальному положению (отсутствие квалификации), убогие жилищные условия, зависимость от государственной помощи, принадлежность к этническим меньшинствам) и по социальному поведению (антиобщественному, криминальному). Эта социальная категория обособлена от остального общества рамками прав и пребывает в состоянии длительного отчуждения. Класс большинства прав, согласно Дарендорфу, защищает свои интересы, пытается удержать собственные позиции и одновременно не признает требований в отношении прав со стороны низшего класса [4, с.203]. Длительная безработица и обнищание, переживаемые низшим классом, — факторы усиления напряженности в отношениях между этими классами.

Что служит поводами для современных социальных конфликтов? По Дарендорфу, они разворачиваются вокруг гражданского статуса и жизненных шансов. Процесс расширения гражданского статуса дает новые шансы и делает социальное неравенство терпимым [4, с.208]. Прогресс гражданского общества во всем мире затормозился в определенной мере потому, что столкнулись две противоположные заинтересованные стороны — либералы отстаивают гетерогенность, которую считают единственным залогом соблюдения всеобщих гражданских прав, а сепаратисты, фундаменталисты ориентированы на гомогенность. События, которые мы наблюдаем в разных уголках мира, свидетельствуют о том, что борьба за терпимость по отношению к культурному, национально-расовому, религиозному многообразию должна быть длительной.

Все сказанное выше подтверждает мнение Дарендорфа о том, что в современных обществах (Европы и Америки) нет классового конфликта в его классическом понимании, то есть в виде политических столкновений между группами, находящимися по разные стороны обычных барьеров власти и прав, а классы уже не образуют главный базис для конфликтов. Ныне в обществе накапливаются новые проблемы, формируются новые состоятельные и неимущие группы, новые линии разделения и антагонизмы, но они пока не приводят к организованным столкновениям между этими группами [4, с.209].

Современные конфликты не относятся к абсолютно новым явлениям, в них мы можем проследить элементы предшествующих конфликтов, проявляющихся прежде всего как борьба класса большинства за перераспределение богатства, власти. Однако Дарендорф утверждает, что отношения между классом большинства и низшим классом не могут вызывать и не вызовут организованных конфликтов, которые бы напоминали конфликты между буржуазией и рабочим классом.

Это положение касается современного исследователю общества и основывается на том, что, во-первых, класс большинства имеет больший вес в обществе во всех аспектах, а низший класс не является социально сплоченной и организованной группой; во-вторых, происходит индивидуализация социального конфликта.

Последняя категория является новой в теории конфликта, поэтому требует некоторого пояснения. Индивидуализация конфликта, согласно Дарендорфу, означает социальный конфликт без классов [5, с. 94]. Если сейчас и наблюдаются действия организованных групп, то это группы особых интересов или социальные движения, а не классовые партии. К тому же они дифференцированы и сегментированы в результате социальных изменений. Вместе с тем теперь уже речь идет не о всеобщих гражданских, политических и социальных правах; борьба преимущественно ведется за равную оплату мужского и женского труда, против загрязнения окружающей среды, терроризма, за разоружение и т.п. Такие социальные движения не отличаются по гражданскому статусу, равно как профсоюзы и объединения предпринимателей в тарифных спорах, партии, требующие изменений, и консервативные силы в парламентской борьбе. Почему низший класс как жертва продолжительной безработицы и длительной бедности не объединяется, чтобы объявить “войну дворцам”, почему не создает партию безработных и партию бедных? Что препятствует формированию организованных групп и их согласованным действиям? По мнению Дарендорфа, это господствующая идеология индивидуализма. Распространение ее вынуждает людей продвигаться по социальной лестнице своими силами и отказываться от реализации собственных интересов путем организованного рабочего движения, поскольку этот путь требует больше времени и сил. В итоге способом предотвращения классовой борьбы становится индивидуальная мобильность, приходит к выводу социолог. Еще одно объяснение того, почему низший класс не склонен к организованной защите своих интересов, заключается в его отчуждении.

Таким образом, по мнению Р.Дарендорфа, особенностью современного социального конфликта (по сравнению с классовой борьбой XIX века) является его многоликость и вариативность форм проявления (войны, демонстрации, забастовки с применением насилия, терроризм, “разборки” между теневиками и мафиозными группами и т.п.), а также его повсеместность [4, с.210–211; 5, с.94–95].

Во второй половине XX века в немецкой социологии наблюдается постепенное смещение акцентов с макроуровня анализа на выявление антагонизмов доминирования и конфликта, то есть на “микроуровень”, наряду с выявлением солидарности, которая связывает группы между собой.

Важную роль в развитии теории конфликта, выяснении его причин и особенностей в современном западном обществе играет теория Ю.Хабермаса. Она освещает пути не только разрешения наиболее острых конфликтов, но и предотвращения их. Эта теория охватывает также технологию достижения консенсуса как на межличностном, так и на межгрупповом уровне. Отрицая насильственные формы социального влияния политических структур на индивидуальное сознание, ученый обосновывает возможность и необходимость компромиссно-консенсусных подходов. Не менее важно его предложение о переориентации поведенческих стратегий, заключаю-

щейся в отказе от жесткой направленности на цель и от традиционной коммуникативной модели, то есть от взгляда на других людей как на средства для решения собственных проблем.

Как справедливо замечает А.Назарчук, впервые именно коммуникация, а не системы, институты и структуры, служит почвой теории социума [6, с.224]. Согласно замыслу Хабермаса, концепция коммуникативного действия, сердцевину которой образует понятие консенсуса, должна стать дополнением классических теорий. В центре внимания Хабермаса находятся вопросы взаимопонимания. Теоретик подчеркивает, что само слово “взаимопонимание” многозначно.

Оно означает, что как минимум два субъекта одинаково понимают конкретное языковое выражение, а как максимум между ними существуют согласие относительно правильности выражения применительно к общепризнанному нормативному фону, согласие относительно чего-либо в мире и взаимная прозрачность намерений [7].

Цель процесса взаимопонимания — достижение согласия. Однако в действительности более привычными являются состояния непонимания и неверного понимания, неискренности или вынужденного согласия. В реальной жизни согласие может фактически достигаться под влиянием внешних факторов, но при этом самими участниками коммуникации не будет считаться собственно согласием, поскольку не основывается на общих убеждениях. То есть с точки зрения коммуникативного аспекта согласия принципиально важен момент вынужденного признания. Именно с процедурой интерсубъективного признания содержания коммуникативных актов Хабермас связывает рациональный характер практики взаимопонимания. “Процессы взаимопонимания нацелены на такое согласие, которое удовлетворяет условиям рационально мотивированного одобрения содержания некоторого выражения. Коммуникативно достигнутое согласие имеет рациональную основу” [8, с.387].

Используя понятие “рациональный”, Хабермас демонстрирует тесную связь между рациональностью и знанием. Рациональность символических проявлений субъекта предполагает доступность их для критики, то есть возможность их обоснования.

Хабермас выделяет две формы повседневной языковой коммуникации: “наивное” коммуникативное действие и дискурс. Дискурс представляет собой форму отстаивания коммуникативной позиции с помощью аргументации по поводу спорных претензий на значимость с целью достижения общезначимого согласия. Относительно фактических коммуникативных практик дискурс является “идеальной языковой ситуацией”, поскольку организован по определенным правилам. Во-первых, обязательным условием является открытость дискурса, равноправие всех его участников; во-вторых, в дискурсе запрещено принуждение ради достижения согласия; в-третьих, участники дискурса могут действовать исключительно на основании мотива достижения кооперативного и аргументированного согласия.

Феномен псевдосогласия Хабермас характеризует как результат систематических нарушений коммуникации и нарушения одного или более правил дискурса. Причем структура коммуникативных практик только тогда не содержит никакого принуждения, когда всем возможным участникам предоставляются равные (симметричные) шансы для осуществления язы-

ковых актов, когда в коммуникации превалирует исключительно специфическое “ненасильственное принуждение” лучшего аргумента.

В контексте анализа специфики практических дискурсов Хабермас указывает на некоторые их ограничения.

Во-первых, практические дискурсы сохраняют внутреннюю связь, с одной стороны, с эстетической, а с другой — с так называемой терапевтической критикой, а эти формы аргументации не соответствуют условиям точных дискурсов, согласно которым дискуссию можно проводить достаточно открыто и достаточно долго. К тому же практические дискурсы всегда обусловлены определенной конкретно-исторической ситуацией.

Во-вторых, практические дискурсы не могут избежать давления общественных конфликтов, равно как теоретические и экспликативные. Они “больше нагружены действием”, поскольку спорные нормы нарушают равновесие в отношениях intersubjectивного признания. Даже когда спор по поводу норм ведется дискурсивными средствами, он остается укорененным в “борьбе за признание”.

В-третьих, практические дискурсы, подобно всем остальным видам аргументации, можно сравнить с островками, которым угрожает затопление в море практики, где отнюдь не доминируют средства урегулирования конфликтов, ориентированные на консенсус. Средства достижения взаимопонимания вновь и вновь вытесняются инструментами насилия [7, с.166–167].

Исторический процесс рационализации общества Хабермас рассматривает как процесс роста производительных сил благодаря рационализации средств и процесса их выбора, а также как процесс рационализации действия, ориентированного на взаимопонимание. Рационализация во втором случае означает ликвидацию тех отношений принуждения, которые исподволь встроены в структуры коммуникации. Общественную рационализацию можно понимать как процесс постепенного преодоления систематических нарушений коммуникации.

Характеризуя современное западное общество, теоретик называет следующие основные черты его: подмена взаимопонимания в ценностно-нормативной сфере координацией деятельности на основе интересов; вытеснение жизненного мира системой; замена социальной интеграции на системную; экспансия целерациональности, распространение ее на сферу коммуникативной рациональности. Отсутствие коммуникации или ее нарушение сигнализируют о возможности появления конфликтов или их существовании. Хабермас отмечает, что в развитых западных обществах в последнее время возникли конфликты, существенно отличающиеся от традиционных, связанных с распределением экономических благ. Эти конфликты возникают в сфере культурного воспроизводства, социальной интеграции и социализации и разворачиваются в доинституциональных формах. То есть происходит перенесение интереса с вопросов экономической, социальной, внутренней и внешней безопасности на проблемы качества жизни, равных прав, индивидуальной самореализации и др. Тот факт, что в развитых капиталистических странах социальный конфликт институционализирован и смягчен, вовсе не означает исчезновения конфликтного потенциала: “...новые конфликты вспыхивают не в сфере проблем распределения, а в связи с вопросами грамматики форм жизни” [8, с.576]. Новые линии конфликта возникают именно там, где осуществляется колонизация жизненного мира.



По мнению Хабермаса, критика нелегитимного господства и замаскированного насилия ставит в центр внимания те условия коммуникации, которые делают возможной веру в институты разумной самоорганизации общества свободных и равноправных граждан. Коммуникативно растворенный суверенитет приобретает значение во власти публичного дискурса, которая предполагает существование автономных объединений общественности, однако в решениях демократических институтов формирования мнений и свободы должна обрести собственную форму, поскольку ответственность за решения, приводящие к многочисленным практическим последствиям, требует четкого институционального соотношения. Коммуникативная власть определяет предпосылки процессов суждения и принятия решений, она формирует основания, с которыми административная власть может обходиться инструментально, однако не может их игнорировать. В этом контексте именно на демократическое правовое государство Хабермас возлагает надежды относительно будущей социальной эмансипации.

Задача преодоления кризисных явлений современного западного общества — деформации ценностно-нормативной сферы, дисбаланса между трудом и интеракцией, жизненным миром и системой, социальной и системной интеграцией, по мнению теоретика, перемещается в социокультурную сферу и связывается с развитием потенциала рациональности, заложенного в коммуникативной практике. Развитие демократии, дискурсивное обоснование общественностью фундаментальных норм и ценностей, консенсуально-коммуникативные формы разрешения конфликтов — вот приоритетные направления антикризисных преобразований.

Современный немецкий социолог У. Бек в рамках своей концепции “общества риска” рассматривает современное западное общество как аккумуляровавшее в себе ряд противоречий. Бек считает, что оно оказалось в ситуации разлома внутри модерна и теряет контуры классического индустриального общества, приобретая новые очертания — очертания “общества риска”. Нарушение основ рынков, научных систем рационализации и т.д. означает конец классического индустриального общества с характерными для него представлениями о национально-государственном суверенитете, автоматизмом прогресса, классовым делением. “При этом необходимо сбалансировать противоречия между непрерывностью развития модерна и разрывами в этом развитии — противоречия, в которых отражается антагонизм между модерном и индустриальным обществом, между индустриальным обществом и обществом риска” [9, с.8–10]. Общество модерна столкнулось с неожиданными последствиями своего функционирования. В нем подрываются и исчезают важнейшие его основания: основные классовые различия, ориентация на производительный труд и увеличение богатства. Вместо этого преобладают чувства опасности, неуверенности, страха. Бек утверждает, что современная Германия представляет собой пример общества, находящегося “по ту сторону классового общества”, то есть социальное неравенство сохраняется, однако изменилось его социальное значение. Всеобщее повышение доходов, увеличение шансов на получение образования и т.п. — все это нивелирует классовые различия. Теряет привлекательность идея социальной мобильности. Но неравенство не устраняется, а лишь переносится в сферу индивидуальных рисков. Общественные кризисы воспринимаются как индивидуальные, усиливается ориентация на собствен-

ный успех. В пределах индивидуализационных процессов конфликтные линии и темы плюрализируются. “Устойчивые конфликтные линии все чаще возникают на основе “врожденных” признаков — расы, цвета кожи, пола, этнической принадлежности (иностранцы рабочие), возраста, телесных изъянов” [9, с.146]. Этот вывод Бека подтверждает мнение Дарендорфа о многообразии форм проявления социального конфликта.

Риски, с одной стороны, распределены неравномерно, а с другой — не знают государственных границ. При этом Бек подчеркивает, что в современных условиях происходит размывание политической системы, возникает новая общность — общность социальных движений, приобретающая выраженный политический характер, проблематика политических решений уже не является прерогативой государства. Вместе с тем власть в новых условиях разрушения традиционного политического пространства получают совершенно новые исторические акторы: транснациональные корпорации, международные и неправительственные организации, действия которых не всегда могут быть поставлены под общественный контроль. Все эти явления немецкий социолог связывает с процессами глобализации. Глобализация рассматривается Беком в контексте анализа ее последствий — экологического кризиса, проблем третьего мира и др., а также поиска конкретных “границ глобализации”, в которых она имеет положительный потенциал.

Известно, что одной из основных глобальных проблем современности является терроризм. Ведущие немецкие социологи не обходят вниманием проблематику, связанную с этим феноменом. В частности, Р.Дарендорф и Ю.Хабермас пытаются выяснить его природу и причины, рассматривая терроризм как специфический ответ сильных, но менее развитых цивилизаций на интервенцию других культур в результате глобализации. Так, Хабермас в работе “Вера и знание” отмечает, что в терроризме находит выражение столкновение миров. “В поступке самих мусульманских исполнителей террористических актов чувствуется несовпадение во времени мотивов и средств. Это отражение факта несовпадения во времени состояний культуры и общества на родине террористов, развившегося в результате быстрой и радикальной модернизации, лишило этих людей своих корней” [10, с. 118].

Таким образом, в немецкой социологии ее классического этапа (вторая половина XIX — начало XX века) сформировалась традиция рассматривать конфликты как свойство социальных систем, то есть распространенное явление, обусловленное социальным неравенством и противоположными интересами в распределении таких ресурсов, как власть и экономические блага; следствие накопившихся противоречий и источник изменений в социальных системах. На этом этапе формируются основополагающие принципы феноменологии конфликта.

Неоклассический этап (вторая половина XX века) — это период критического осмысления достигнутого во время предыдущего этапа, что отразилось в осознании социального конфликта XX века как начавшегося после “классовой борьбы” с присущими только ему свойствами и разновидностями. Наиболее ощутимый вклад в теорию конфликта принадлежит Р.Дарендорфу, считающему социальный конфликт неотъемлемым, распространенным феноменом современных ему обществ, а также (и это сближает его с К.Марксом) источником прогрессивных изменений в обществе и средством разрешения противоречий между социальными группами. Дарендорф ана-

лизирует причины и следствия, а также тенденции процесса индивидуализации конфликта в современном западном обществе.

Ю.Хабермас обогатил немецкую социологию новыми подходами к изучению конфликтогенных факторов и преодолению их в современном обществе. Проблема насилия и ненасилия в межличностной коммуникации является центральной для Хабермаса. Перестройку социума на основе модели коммуникативной рациональности, построенной на принципах субъект–субъектного взаимодействия, он считает важнейшей задачей современности.

Украинское общество переживает этап перехода к рыночным отношениям и демократии. Как свидетельствует мировой опыт, этот период характеризуется повышением конфликтности во всех сферах общественной жизни. Поэтому изучение теоретических достижений и практики стран, опережающих Украину в социально-экономическом и политическом развитии, приобретает особое значение для устранения причин, обуславливающих насильственные конфликты.

Исследования немецких социологов выявили многообразие форм социального конфликта. Вместе с тем, анализируя причины конфликтности в обществе, они предлагают обратить внимание на деформации и нарушения коммуникации на всех уровнях взаимодействия людей.

### ***Литература***

1. *Королько В., Танчер В.* Основные направления современного социологического теоретизирования // Социология: теория, методы, маркетинг. — 1999. — №1. — С. 138–155.
2. *Макеев С.* Классовый анализ в современной социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — №3. — С. 5–22.
3. *Дарендорф Р.* Тропы из утопии. — М., 2002.
4. *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. — М., 2002.
5. *Darendorf R.* Auf der Suche nach einer neuen Ordnung. Vorlesungen Zur Politik der Freiheit im 21 jahrhundert. — München, 2003. — S.156.
6. *Назарчук А.В.* Этика глобализирующегося общества. — М., 2002.
7. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб., 2001.
8. *Habermass J.* Theorie des kommunikativen Handels. — Frankfurt, 1985.
9. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. — М., 2000.
10. *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. — М., 2002.